

классические риторические трактаты включали в себя — за редкими, даже редчайшими исключениями — раздел *dispositio*, как раз и посвященный теоретическому рассмотрению проблем композиции. Это рассмотрение предполагало среди прочего достаточно подробное описание композиционных правил, создание своеобразных рецептов композиции, следуя которым и создавались конкретные тексты того или иного типа. Композиция последних оказывалась актуализацией в литературной практике отвлеченных композиционных схем, разработанных риторической теорией. Для больших наглядности и удобства пользователей такие схемы в метариторических сочинениях, как правило, сопровождались образцовыми примерами.

Подобная формализованность относилась не только к речевой композиции, но и к композиции смысловой. Так, например, в третьей части «О расположении» «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова речь идет в равной степени и о речевых основах текстовой композиции, и об основах логических. В одних случаях предлагаемые композиционные модели конструировались Ломоносовым с опорой на речевые особенности текста: так обстояло дело в главе 4 — «О расположении по разговору» и особенно в главе 3 — «О расположении и союзе периодов». В других же случаях он исходил из разновидностей логического развертывания какой-либо идеи, что особенно заметно в главе 3 — «О расположении по силлогизму». Впрочем, оба принципа смешивались им и в пределах глав; они вообще трудно делимы в третьей части ломоносовской риторики. Получается, что и типы смыслопорождения культура «готового слова» стремилась регламентировать и свести их к некоему ограниченному числу логических по своей природе моделей — прежде всего силлогизмам и энтимемам.

Эти определяющие риторическую культуру особенности заставляют задуматься о характере возникающего в относящихся к ней памятниках смысла. Не приводила ли формализация семантического уровня текста к чрезмерной логизированности содержания, когда смысл литературного произведения становился лишь словесной иллюстрацией логической формулы? Такой смысл вряд ли возможно даже назвать художественным, а созидающие его художественные идеи, вероятно, должны быть отмечены резким ослаблением полисемантической и в целом малоотличимы от идей логических. Такое предположение кажется весьма основательным, оно вроде бы вполне соответствует общей атмосфере рефлексивно-традиционалистской словесности. Но все же его вряд ли можно признать справедливым. Ведь это бы означало отсутствие в литературе рефлексивного традиционализма эстетического начала, с чем невозможно согласиться. Бесспорно, категория эстетического в риторическую эпоху, особенно применительно к словесности, имела совсем иной смысл, нежели в XIX и XX вв. Но, думается, эстетиче-